

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1079-1097>

EDN: NSZJJJ

Научная статья / Research Article

Стандарты извещения иностранных ответчиков при разрешении экономических споров в практике государственных судов

Е.В. Мохова^{ID}✉, Я.С. Бутакова^{ID}

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
✉emokhova@hse.ru

Аннотация. Извещение иностранного ответчика имеет принципиальное значение для эффективной реализации права на судебную защиту. При этом в судебной практике сохраняются спорные вопросы об оценке надлежащего характера такого извещения. В новых геополитических условиях ситуация осложняется вводимыми государствами санкциями, что усиливает актуальность проблематики исследования. Цель – изучение сложившихся в российской правоприменительной практике стандартов извещения иностранных ответчиков, а также анализ влияния санкций на конвенционные механизмы извещения на примере одного из резонансных дел. Применены общенаучные методы исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция, диалектический метод) и на специальные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Сделан вывод о формировании в российской судебной практике в противовес строго-формальному стандарту извещения иного стандарта – так называемого стандарта эффективного судебного извещения, основанного на доказательствах фактической информированности стороны о зарубежном судебном разбирательстве. Стандарт эффективного извещения, выполняя свою полезную функцию, не должен приводить к нивелированию международных соглашений о порядке извещения иностранных лиц – последние сохраняют свою обязательность и исключительность для тех ситуаций, в которых должны быть применимы. Авторы приходят к выводу о необходимости уточнения как условий применения стандарта эффективного извещения, так и требований к стандарту эффективного извещения. Санкции повлияли на применение конвенционных механизмов извещения: российские суды признают противоречащим публичному порядку исполнение иностранного судебного поручения об извещении российского подсанкционного лица в ситуации, когда ранее был вынесен противоисковый запрет на продолжение разбирательства в иностранном суде.

Ключевые слова: международный гражданский процесс, вручение судебных извещений, уведомление иностранного ответчика, стандарт эффективного извещения, извещение по электронной почте, Гагская конвенция 1965 г.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Мохова Е.В. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Бутакова Я.С. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

© Мохова Е.В., Бутакова Я.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья реализована в рамках проекта «Стандарты извещения иностранных лиц в эпоху санкций» при поддержке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Статья подготовлена с использованием справочно-правовой системы «Консультант плюс».

Поступила в редакцию: 29 декабря 2022 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Мохова Е.В., Бутакова Я.С. Стандарты извещения иностранных ответчиков при разрешении экономических споров в практике государственных судов // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1079–1097. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1079-1097>

The standards of the foreign defendants notification in the economic disputes resolution

Elena V. Mokhova , Iana S. Butakova

Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation
emokhova@hse.ru

Abstract. Notification of a foreign defendant is of fundamental importance for the effective realization of the right to a fair trial. At the same time judicial practice identifies controversial issues concerning the assessment of such notification. In the new geopolitical conditions, the situation is complicated by the sanctions imposed by the states, thus reinforcing the relevance of the research. The purpose is to examine the standards of foreign defendants' notification established in the Russian court practice, as well as to analyze the sanctions impact on the conventional notification mechanisms on the example of one of the high-profile cases. The authors rely on general scientific research methods (analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical method) and special methods (formal legal, comparative legal). The article concludes that in the Russian court practice a different standard – the so-called standard of effective notification based on evidence of the actual awareness of the party about the foreign proceedings – is formed as a counterbalance to the strictly formal standard of notification. The authors note that the standard of effective notification, fulfilling its useful function, should not lead to unjustified refusal to follow the international conventions on foreign persons notification. These conventions retain their binding effect including exclusive situations where they should be applicable. The authors conclude that it is necessary to clarify both the conditions for effective notification standard application and the requirements for the effective notification standard. The sanctions have affected the application of notification mechanisms: Russian courts recognize a foreign court request to notify a Russian sanctioned person as contrary to public policy in a situation where an anti-suit injunction on a foreign proceeding was previously issued.

Key words: international civil procedure, service of summons, notification of a foreign defendant, effective notification standard, notification by e-mail, Hague Service Convention of 1965

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Mokhova E.V. – data collection and processing, data analysis, text writing; Butakova I.S. – data collection and processing, data analysis, text writing.

Funding. The article was developed within the framework of the project “Standards of notification of foreign persons in the era of sanctions” with the support of the National Research University “Higher School of Economics”. The article was prepared using the ConsultantPlus Reference Legal System.

Received: 29th December 2022

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Mokhova, E.V., Butakova, I.S. (2023) The standards of the foreign defendants notification in the economic disputes resolution. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 1079–1097. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1079-1097>

Введение

При рассмотрении в государственных судах экономических споров с участием иностранных лиц принципиальное значение имеет вопрос надлежащего и своевременного¹ извещения последних (далее также – судебное извещение).

Судебное извещение ответчика выступает неперенным атрибутом реализации права на суд, гарантированного как нормами международного², так и нормами национального права³. В ряде юрисдикций извещение выполняет двойную функцию – оно рассматривается не только как вопрос реализации права на суд, но и как часть юрисдикции *in personam*, в отсутствие которой суд не может признать себя компетентным рассматривать спор⁴. Вопросу извещений пристальное внимание уделялось как отечественными экспертами (Eliseev, 2016, Kostin, 2014; Kostin, 2017, Yarkov, 2012), так и зарубежными (Anthimos, 2017, Dodge, 2022, Schack, 2001)

Проблематика извещений приобретает особую актуальность в свете текущих геополитических реалий: вопрос о вручении судебных документов осложняется вводимыми государствами взаимными многочисленными мерами ограничительного характера (санкциями). Возникающие сложности фактического характера (например, затруднения в доступе к курьерским службам⁵, увеличение сроков доставки корреспонденции⁶) перерастают в сложности юридического характера (например, потеря

¹ Полагаем возможным дифференцировать своевременность извещения (направленное его в сроки, обеспечивающие достаточно времени для явки в суд (Kostin, 2017)) и его надлежащий характер (т.е. вручение с соблюдением правил, предписанных процессуальным законодательством (Kostin, 2017)). В статье основной акцент сделан на характеристику такого признака извещения как его надлежащий характер.

² Так, право на суд закреплено в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская конвенция 1950 г.). В практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) право на суд получило детализацию в том числе и с точки зрения надлежащего и своевременного извещения. Конвенция прекращает свое действие в отношении Российской Федерации в связи с выходом Российской Федерации из Совета Европы.

³ В России основополагающей нормой выступает ст. 46 Конституции Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> // СПС «Консультант плюс».

⁴ Такой подход, по свидетельству экспертов, известен английскому праву (Torgemans (ed.), 2017:308). При этом документ, формирующий каркас регулирования юрисдикции и экзекватур в ЕС – Регламент Брюссель I о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам 1215/2012 (далее – Регламент Брюссель I). Текст доступен на официальном электронном ресурсе. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 03.11.2022) не связывает вопрос о компетенции суда в надлежащем или ненадлежащем извещением ответчика (Torgemans (ed.), 2017:308).

⁵ Так, примечательная ситуация с ограничением доставки документов в России со стороны крупнейших международных курьерских компаний. Например, служба доставки UPS на своем сайте информирует о том, что она почти полностью приостановила работу в Беларуси, России, Украине. Режим доступа: <https://www.ups.com/ru/ru/service-alerts.page?id=alert1> (дата обращения: 20.12.2022). Служба доставки DHL продолжит оказывать услуги только по доставке документов и грузов из России за границу. Режим доступа: <https://express.dhl.ru/info/izmeneniya-v-rabote-dhl-express-tdd/> (дата обращения: 20.12.2022). Все услуги компаний FedEx и TNT по международной и внутренней доставке приостановлены. Режим доступа: <https://www.fedex.com/ru-ru/home.html> (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ См. например, информацию об ограничениях почтового обмена на официальном сайте Почты России. Режим доступа: <https://www.pochta.ru/support/no-mail-exchange> (дата обращения: 12.12.2022). Примечательно, что с некоторыми странами из тех, с кем после февраля 2022 года было прервано почтовое сообщение, последнее было восстановлено к концу 2022 года (например, Швеция, Молдова, Кипр).

извещением характера своевременности при задержках в доставке корреспонденции, коллидация с правом истца на судебное разбирательство в разумный срок).

В такой ситуации видится важным проанализировать сложившиеся подходы к стандартам извещения иностранных лиц в практике российских судов. В статье будут рассмотрены стандарты строго-формального и эффективного извещения в их становлении и развитии, а также будет проанализировано влияние санкций на конвенционные механизмы извещения на примере одного из резонансных дел.

Конвенционные каналы направления судебных извещений

В первую очередь, задача реализации надлежащего и своевременного извещения иностранного лица возникает в форуме, где дело рассматривается по существу. При этом государства по-разному могут относиться к регламентации судебных извещений об иностранном процессе (Нау, 2018). Выделяется два принципиально разных подхода: в соответствии с первым судебное извещение представляет собой публично-правовую деятельность государства (Yarkov, 2012), при этом вручение документа о зарубежном судебном процессе рассматривается как «государственный акт верховенства, оказывающий содействие иностранному судебному процессу» (Schack, 2001:287). В соответствии со вторым подходом процессуальное извещение может быть проведено в частном порядке, путем простого направления почтовой или курьерской отправкой ответчику. Такой вариант реализуется в странах англосаксонской правовой семьи. Логика его заключается в следующем: если задача извещения – действительное уведомление о судебном процессе с целью реализации права быть заслушанным в суде, то эта задача может быть также хорошо исполнена частными лицами (см. подробнее: Schack, 2001:289).

Применимое право к оценке, было ли извещение иностранного лица надлежащим и своевременным или нет, также может определяться по-разному (Kostin, 2014; Kostin, 2017, Eliseev, 2016). Извещение иностранного ответчика может оцениваться по праву страны рассмотрения спора (*lex fori*), либо с учетом двух правопорядков, где дополнительно учитывается право страны места вручения извещения (*lex diligentiae*), при этом последнее потенциально может стать в перспективе правом страны признания и приведения в исполнение ожидаемого судебного решения (*lex recognitionis*).

Форум страны последующего признания и приведения в исполнение (далее также – экзекватуры) вынесенного иностранного судебного решения также наделен полномочиями по оценке состоявшегося при разрешении спора за рубежом процессуального извещения (Kostin, 2014). Так, ненадлежащее и несвоевременное извещение заблокирует экзекватуру или как самостоятельное основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения⁷, или как элемент «процессуального публичного порядка» (Krokhalev, 2006; Yarkov, 2012), или

⁷ Пункт 2 ч. 1 ст. 244 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), пп. ii п. а) ч. 1 ст. 7 Гаагской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 2019 г. (далее – Гаагская конвенция 2019 г.). Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/judgments> (дата обращения: 10.12.2022).

как нарушение принципа естественной справедливости (естественного правосудия)⁸. Большинство юрисдикций в такой ситуации применяют право страны экзекватуры, зачастую совпадающее с правом страны места вручения извещения (*lex diligentiae*) (Kostin, 2014).

Таким образом, характер процессуального извещения в делах с иностранным элементом может оцениваться несколько раз: на стадии рассмотрения дела по существу спора, на стадии вручения извещения в стране места нахождения ответчика, на стадии признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. И не исключено, что задействованные правопорядки могут разойтись в оценке надлежащего характера и своевременности извещения ответчика.

Эту проблему отчасти позволяют решить различные международные договоры – конвенционные механизмы⁹, направленные как на унификацию стандартов и процедур извещений, так и на обеспечение доступа к информации о судебном процессе через верифицированные и признанные государством годными для таких целей каналы¹⁰ – способы передачи судебных поручений и (или) документов.

Принято выделять следующие основные¹¹ каналы: 1) *дипломатический*¹², 2) взаимодействие через назначаемый государствами *центральный орган страны места извещения* в соответствии с наиболее известным на сегодняшний день международным стандартом – Гаагской конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.¹³ (далее – Гаагская

⁸ Эксперты отмечают, что в Регламенте Брюссель I такая характеристика извещения как его *надлежащий* характер вынесена за рамки принципа естественной справедливости (естественного правосудия). Формальные нарушения (например, ненадлежащий перевод), не влияющие на способность ответчика понимать существо иска и на способность защищать свои права, могут быть проигнорированы и для принципа естественной справедливости важен, в первую очередь, *своевременный* характер извещения, позволяющий подготовить и представить стороне доводы в свою защиту перед судом (Torremans (ed.), 2017, 578, 635–636).

⁹ Отметим, что возможно внеконвенционное оказание международной правовой помощи в том числе для целей вручения судебных документов, реализуемое на основе принципа взаимности (Schack, 2001), но оно остается за рамками данного исследования.

¹⁰ Термин «каналы» используется в Практическом руководстве по применению Гаагской конвенции от 15 ноября 1965 г. о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам / пер. с англ. А.Н. Жильцов и др.; отв. ред. А.Н. Жильцов. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с. (далее – Практическое руководство 2007 г.).

¹¹ Могут быть выделены и иные каналы извещения, например, альтернативный основному канал – вручение документов с помощью судебных и иных должностных лиц или других компетентных лиц запрашиваемого государства (п. b ст. 10 Гаагской конвенции от 15 ноября 1965 г. о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам). В статье акцентированы основные и наиболее активно используемые в практике российских судов каналы извещения.

¹² Предусмотрен в Конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=33> (дата обращения: 10.12.2022). Также рассматривается как альтернативный канал по статьям 8 и 9 Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. Российская Федерация сделала оговорку о неприменении статьи 8 названной конвенции.

¹³ Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/specialised-sections/service> (дата обращения: 10.12.2022). Отметим, что нормы о дипломатическом канале вручения судебных и внесудебных документов (ст. 1-7) Гаагской конвенции о международном гражданском процессе 1954 г. заменяются на положения Гаагской конвенции 1965 г., для стран-участниц обеих конвенций (ст. 22 Гаагской конвенции 1965 г.).

конвенция 1965 г.), 3) *непосредственные сношения судов*¹⁴, а также 4) «*частноправовой*» (или «*почтовый*») канал извещения, предполагающий простое направление извещения почтовой или курьерской службой или вручение документов иностранному ответчику другой стороной¹⁵. Последний из названных каналов прямо поименован в качестве приемлемого в получившей известность статье 10 (а) Гаагской конвенции 1965 г., наравне с основным каналом – извещением через центральный орган¹⁶. Но государства при ратификации могут сделать оговорку о возражении в отношении статьи 10. Важно, что такую оговорку сделала и Российская Федерация¹⁷.

Система выстроенных в конвенциях каналов направления извещений стала создаваться для России, первоначально исходящей из публично-правовой природы процессуального извещения, проблемный вопрос следующего характера. *Будет ли отклонение от соблюдения правил, зафиксированных в конвенциях, во всех случаях означать ненадлежащее извещение?* Положительный ответ на этот вопрос создает стандарт строго-формального извещения. В противовес ему можно выделить стандарт эффективного извещения, суть которого заключается в следующем: дефект процедуры конвенционного механизма может быть компенсирован доказательствами того, что должник по судебному решению достоверно знал об иностранном судебном процессе, и эта информированность может быть достигнута в том числе посредством частноправовых («почтовых») каналов извещения, т.е. путем простой почтовой пересылки документов, минуя формализованные каналы направления через центральный орган или непосредственные сношения судов.

Строго-формальный стандарт извещения в практике российских судов

Фиксацию в российской судебной практике **строго-формального стандарта извещения** можно связать с известным и обсуждавшимся экспертами (Kudulich, 2015) делом «Нортел», рассмотренном еще в 2014 г. Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ). ВАС РФ в постановлении ВАС 3366/13 от 28.01.2014 сформулировал требование строгого соблюдения международно-правовых конвенционных механизмов при извещении ответчика, даже если последний не отрицает, что был проинформирован иными способами о разбирательстве в отношении него в иностранном суде, но все же не явился туда.

¹⁴ Предусмотрен в статье 5 Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». Текст доступен в СПС «Консультант плюс»

¹⁵ За рамками рассмотрения данной статьи остаются вопросы определения применимого международного договора и соответствующего канала направления извещений при связанности государств несколькими международными договорами. Позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу отражена в пункте 2 в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

¹⁶ Гаагская конвенция 1965 г. и механизмы применения предусмотренных ей каналов – основного и альтернативных, в том числе почтового – были предметом многочисленных исследований за рубежом (Reisenfeld, 1990; Weis, 1994 и др.) и в России (Yarkov, 2012; Eliseev, 2016; Kostin, 2017).

¹⁷ Аналогичные возражения сделали Болгария, Бразилия, Германия, Китай, Мексика, Норвегия и многие другие. В ряде случаев наблюдались сложности с переводами, например, возражений по статье 10 со стороны Мексики, при этом, по свидетельству экспертов, позиция государства в отношении следования возражению строгая (Campbell, 2010). Но множество государств таких возражений не делали (Андорра, Бельгия, Канада и др.). Подробная информация о декларациях стран-участниц доступна на официальном сайте Гаагской конференции. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=17> (дата обращения: 10.12.2022).

Фабула дела заключалась в следующем. В связи с неисполнением обязательств по основному договору истцы, руководствуясь пророгационным соглашением, обратились в Высокий Суд Правосудия Англии и Уэльса. Уведомление ответчику было направлено не через центральный орган по Гаагской конвенции 1965 г., но в соответствии с английским процессуальным правом ценным письмом с описью вложения по адресу места регистрации ответчика, а также его постоянно действующего исполнительного органа. Английскому суду были представлены доказательства получения данных уведомлений сотрудницей ответчика, в связи с чем суд посчитал извещение надлежащим и, рассмотрев дело в отсутствие извещенного ответчика, вынес заочное решение в пользу истцов. На стадии признания и приведения в исполнение в России этого решения ВАС РФ посчитал, что «извещение должника о ведущемся против него судебном процессе в иностранном суде было сделано по правилам английского судопроизводства и являлось эффективным, так как фактически было получено находящимся в Российской Федерации должником, что установлено судами». Но при этом извещение не соответствовало Гаагской конвенции 1965 г., действующей для Российской Федерации с учетом сделанных ею заявлений в отношении статьи 10 о возражениях против упрощенных процедур направления, пересылки и вручения судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам. В силу п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ ненадлежащее извещение стало основанием для отказа в экзекватуре.

В поддержку строго-формального стандарта извещения была высказана развернутая аргументация многими российскими экспертами (Yarkov, 2012; Kostin, 2017). Логичным продолжением этой позиции выступает высказанный профессором В.В. Ярковым тезис о том, что информирование о судебном процессе любым иным способом, кроме как конвенционным, «будет считаться незаконным и ненадлежащим, не влекущим никаких правовых последствий для российских граждан, грубо нарушающим суверенитет Российского государства, процессуальный публичный порядок и право на судебную защиту в его конституционно-правовом толковании» (Yarkov, 2012).

Основная идея строго формального подхода может быть сформулирована следующим образом: нет информированности о процессе, обязывающей сторону предпринимать действия по организации защиты своих прав в иностранном процессе (привлекать консультантов и др.), вне согласованных государствами каналов передачи и вручения судебных документов. Иные способы, кроме конвенционных каналов, не верифицированы и не признаны правопорядками в качестве годных, поскольку не предоставляют потенциальному ответчику необходимых гарантий (язык, на котором исполнены документы, полнота направленного пакета документов, унифицированные и предсказуемые последствия неполучения ответа о вручении и др.¹⁸).

Но проблема такого подхода заключается в том, что он создает риски злоупотреблением правом на конвенционное извещение со стороны тех, кто информирован о зарубежном процессе альтернативными способами. В результате должники по иностранному судебному решению, защищаясь от экзекватуры, ссылаются на ненадлежащий характер их извещения на основании международных договоров, в действительности обладая достоверными сведениями об открытии в отношении

¹⁸ Подробнее гарантии конвенционного механизма раскрыты в трудах А.А. Костина (Kostin, 2017). Доказательственная роль вручения документов в судебном извещении исследована в трудах Х. Шака (Schack, 2001).

них судебного процесса, где такое решение было вынесено. Эта проблема отмечалась экспертами (Kudelich, 2015) и повлияла на последующее развитие судебной практики.

Стандарт эффективного извещения в практике российских судов

После рассмотренного выше кейса «Нортел» в цепочке дел Верховный Суд РФ стал «смягчать» стандарт строго-формального извещения¹⁹. Эта тенденция в 2017 г. получила свое закрепление в масштабном документе по обобщению судебной практики в сфере международного гражданского процесса – в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее – ППВС РФ № 23). В пункте 36 документа был зафиксирован *стандарт так называемого эффективного извещения*: «с учетом того, что участвующие в деле лица должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (часть 2 статьи 41 АПК РФ), факт отсутствия доказательств получения судебных извещений, направленных в порядке, предусмотренном нормами соответствующего международного договора или федерального закона, сам по себе не может являться основанием для безусловной отмены судебного акта, если в судебном заседании принял участие уполномоченный представитель иностранного лица и (или) суду от иностранного лица поступили отзыв, доказательства, ходатайства *либо имеются иные доказательства того, что иностранное лицо знало о судебном разбирательстве*».

Из содержания данного пункта следует, что реабилитация порока формального извещения возможна в случае доказательств информированности стороны о процессе, среди которых выделяются две группы: во-первых, те, что подтверждают фактическое участие в судебном заседании (участие представителя иностранного лица в судебном заседании и (или) представление отзыва, доказательств, ходатайств) и во-вторых, *иные доказательства информированности стороны о процессе*.

Правило о том, что фактическое участие в процессе (явка представителя и представление доводов по существу спора и т.д.) реабилитирует ненадлежащее извещение, было закреплено в судебной практике много ранее²⁰ и широко признается. Но позиция о том, что «иные доказательства информированности стороны о процессе» также рассматриваются как надлежащее, но требует взвешенной оценки извещения.

¹⁹ Так, например, в деле «Сочиинвестбанка» и компании «Вис трейдинг» в определении ВС РФ от 18.08.2014 по делу № А07/16859/13 суд пришел к выводу о том, что необоснованный отказ от получения извещения о процессе в порядке Гаагской конвенции 1965 г. при использовании иных эффективных способов извещения не делает извещение ненадлежащим. Далее, в деле Лезник и Кедарт в определении ВС РФ от 29.10.2014 по делу № А40-153603/13 суд высказался о том, что непредоставление стороной информации о своем адресе контрагенту возлагает на эту сторону риски неизвещения, в том числе по Гаагской конвенции 1965 г. В деле «ЭКОТЕРРА» ВС РФ в определении от 26.04.2017 по делу № А75-7512/2016 отметил: если лицо *знало* о процессе, но не участвовало в нем, то оно несет негативные последствия такого пассивного поведения.

²⁰ Правило о том, что фактическое участие в процессе (явка представителя и представление доводов по существу спора и т.д.) реабилитирует ненадлежащее извещение, было закреплено в судебной практике много ранее²⁰ и широко признается. См. например: определение ВАС РФ от 28.10.2011 № ВАС-8661/11, определение ВС РФ от 01.07.2015 по делу А40-75206/2014.

Дело в том, что такая информированность стороны о процессе может достигаться за счет использования частноправовых способов вручения судебных документов и почтовых каналов. Следствием такого подхода может стать отход от прямого соблюдения требований международных договоров Российской Федерации, в том числе оговорки о возражении в отношении статьи 10 Гаагской конвенции, а также статьи 5 Киевского соглашения.

Видится, что этот риск – нивелирования действия международных соглашений – был предсказуем, и в 2019 г. Верховный Суд РФ в определении ВС РФ от 30.04.2019 по делу № А35-2592/2018 дал пояснение по порядку применения стандарта эффективного извещения, акцентируя внимание на том, что последний не направлен на преодоление действия международных соглашений – при извещении необходимо соблюдать конвенционные механизмы, в том числе и те, что предусмотрены статьей 5 Киевского соглашения 1992 г., если таковое применимо. Суд особо отметил, что «извещения о судебном процессе, направленные с нарушением норм международного договора Российской Федерации, обеспечивающих государственные гарантии защиты находящимся под её юрисдикцией на ее территории лицам, не могут считаться надлежащими». Но у добросовестной стороны есть право доказать, что вторая сторона знала о судебном процессе, имела возможность защищать свои права, но, действуя недобросовестно, исключительно в целях преодоления исполнения иностранного судебного решения ссылается на несоблюдение международного договора при извещении. ВС РФ отметил, что именно в *такой* ситуации суд устанавливает *обстоятельства фактического извещения и отсутствие злоупотреблений* со стороны всех участников правоотношений.

Но примечательно, что далее в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 2019 г.²¹ (далее – Обзор 2019 г.) *стандарт эффективного извещения был закреплен как альтернатива надлежащего извещения по конвенционным механизмам без апеллирования к принципу добросовестности*: «извещение о судебном процессе в иностранном суде является надлежащим, если соблюден порядок извещения, установленный нормами международных договоров, либо имеются доказательства эффективного (фактического) извещения стороны о судебном разбирательстве в иностранном суде (представлены доказательства того, что она знала о таком судебном разбирательстве)».

Далее в практике этот подход подтверждался ВС РФ. Так, в определении ВС РФ от 03.12.2021 по делу А40-162711/2020 о признании и приведении в исполнение решения Высокого суда Правосудия Англии и Уэльса о взыскании судебных расходов ВС РФ вновь подчеркнул самостоятельное значение стандарта эффективного извещения по отношению к формальному конвенционному механизму²².

Таким образом, в практике российских судов сформировался подход по проверке в том числе и эффективного извещения иностранного ответчика. С одной стороны, это позволяет преодолеть проблему злоупотребления правом на конвенционные каналы извещения – длительные и сложные – в ситуации, когда иностранный

²¹ Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2019 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Доступен в СПС «Консультант плюс».

²² Но при этом не было признано эффективным извещение по электронной почте, направленное представителям ответчиков по корпоративному почтовому адресу, исходящее, как установил суд, от неизвестного лица и содержавшее ссылку на файл, который не открывался (определение ВС РФ от 03.12.2021 по делу А40-162711/2020).

ответчик достоверно знал о судебном процессе, но ссылается на отсутствие извещения на основе международного соглашения. С другой стороны, возникает вопрос об условиях применения стандарта эффективного извещения и разграничения случаев применения конвенционных и альтернативных им каналов извещения в свете соблюдения обязательств из международных договоров и принципа *pacta sunt servanda*.

Условия применения стандарта эффективного извещения

Стандарт эффективного извещения как возможность внеконвенционного информирования иностранного ответчика поддерживался рядом российских экспертов как допустимый, но при определенных обстоятельствах (Eliseev, 2016; Kudelich, 2015).

Видится, что фиксация в российской правоприменительной практике стандарта эффективного извещения все же отнюдь не предполагает, что международные конвенционные каналы извещения, в том числе Гагская конвенция 1965 г. вместе с российской оговоркой о неприменении статьи 10, могут просто заменяться при трансграничном судебном извещении на альтернативный порядок направления ответчику информации о судебном процессе. Применимость конвенционных механизмов устанавливаются, в первую очередь, самими международными договорами, их предусматривающими, но не произвольно национальным правом государств-участников международного договора. Важно, что в отношении Гагской конвенции 1965 г. признан ее *исключительный* характер, т.е. ее каналы являются единственно доступными для использования в тех случаях, когда конвенция применима²³. Соответственно, конвенционный механизм остается основным стандартом судебного извещения иностранных лиц, что – в силу сложившегося в российской судебной практике похода – не исключает при определенных условиях применения стандарта эффективного извещения. Видится возможным обозначить несколько таких ситуаций.

Во-первых, можно полностью согласиться с позицией о том, что *в тех случаях, когда международный договор, предусматривающий определенный конвенционный канал извещения, не применяется, могут* использоваться иные правила извещения, в том числе не связанные с международно-правовыми механизмами (Eliseev, 2016). Так, например, *Гагская конвенция 1965 г.* в силу абзаца 2 ее статьи 1 не применяется, если адрес получателя документа не известен²⁴.

Далее – та же Гагская конвенция в абзаце 1 ее статьи 1 очерчивает круг пределов ее применения следующим образом: она применима в гражданских или торговых делах во всех случаях, при которых судебный или внесудебный документ *необходимо направить для передачи или вручения за границей*. Ряд правопорядков исходят из того, что это положение требует международно-правового толкования, как установленное конвенционной нормой, но иные исходят из того, что это положение толкуется судом в соответствии с национальным правом страны места разрешения спора. Второй подход поддержан экспертами Гагской конференции как сложившийся²⁵, на что обращалось внимание и в России (Eliseev, 2016). Это позволило национальным правопорядкам особым образом трактовать ситуации, при

²³ Пункты 25, 44 Практического руководства 2007 г.

²⁴ При этом дискуссионными остаются вопросы о том, кто обязан установить адрес ответчика, может ли электронный адрес ответчика рассматриваться как адрес для целей Гагской конвенции 1965 г. и др. вопросы (Eliseev, 2016).

²⁵ Пункты 26-41 Практического руководства 2007 г.

которых не требуется направление извещений за границу, что поставило вопрос о практике так называемых «замещающих» извещений.

«Замещающие» извещения (Dodge, 2022) или *фикции извещения*, известные в наиболее распространенном варианте как институт *remise au parquet* – презумпция извещения ответчика по факту вручения документов компетентному должностному лицу (например, прокурору в применявшейся ранее (до 2005 г.) французской модели²⁶, или государственному секретарю штата – в американской), который далее уже берет на себя задачу по последующей передаче документов в иные компетентные органы для вручения их конечному адресату. Но такой подход признается экспертами как вступающий в коллизию с международным стандартом Гаагской конвенции 1965 г.²⁷ и с правом Европейского Союза²⁸ (далее – ЕС) (Anthimos, 2017). Ряд стран, например, Бельгия, признавали извещение *remise au parquet* противоречащим публичному порядку (Gössl, 2016:88). Эксперты США также усматривают противоречие *remise au parquet* принципу надлежащей процедуры (due process), гарантированному Четырнадцатой поправкой к Конституции США (Dodge, 2022), причем снятие противоречия как раз требует направления извещения по Гаагской конвенции 1965 г. (Dodge, 2022). Иначе говоря, фикция вручения перестает быть надлежащим замещающим извещением и требует направления документа за границу, а значит – подпадает под сферу действия Гаагской конвенции.

Примечательно, что в ситуации известного США «замещающего» извещения иного рода – вручения документа аффилированной с ответчиком или его дочерней компании при условии, что степень близости и взаимодействия их с ответчиком такова, что можно было со всей очевидностью полагаться на передачу ему извещения²⁹ – суды и эксперты такого противоречия с принципами надлежащей процедуры (due process) не усматривают, полагая, что такое «замещающее» извещение легитимно в пределах трактовки соответственно, не предполагают необходимым

²⁶ Такой порядок был отменен во Франции для стран-участниц Гаагской конвенции 1965 г. (Практическое руководство 2007 г., п. 9).

²⁷ Гаагская конвенция 1965 г. для целей преодоления применимых в ряде стран подходов фиктивного или условного вручения специально предусматривает статью 15, направленную на поиск баланса между правом истца на рассмотрение спора в разумный срок и правом ответчика на судебную защиту. С другой стороны, как отмечено в п. 8 Практического руководства 2007 г., Конвенция не устраняет процедуру *remise au parquet*, но при этом «направлена на обеспечение защиты интересов ответчика от потенциально негативных последствий такой системы».

²⁸ Суд ЕС в 2012 г. в деле Адлер (C-325/11, Krystyna Alder & Ewald Alder / Sabina Orłowska & Czesław Orłowski, ECLI:EU:C:2012:824. Текст доступен на официальном сайте Суда ЕС. Режим доступа: www.curia.eu (дата обращения: 20.12.2022) высказался о том, что Регламент № 1393/2007 Европейского парламента и Совета от 13 ноября 2007 г. о вручении в государствах-членах судебных и внесудебных документов по гражданским или коммерческим делам (Текст доступен на официальном сайте правовой информации ЕС. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32007R1393> (дата обращения: 20.12.2022) исключает условное вручение, предусмотренное национальным правом какого-либо государства (п. 32 судебного акта), и соответственно, искореняет какие-либо формы фиктивного извещения (Anthimos, A., 2017, 23). Европейская модель судебных извещений была предметом исследований многих экспертов (см., например: Dominelli, 2018).

²⁹ Эта позиция была изложена судами Иллинойса в известном деле Schlunk (Volkswagen Aktiengesellschaft v. Schlunk, 486 U.S. 694 (1988), Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/486/694/> [Accessed 20th December 2022], где дочерняя компания иностранного ответчика была признана недобровольным агентом последнего, в связи с чем вручение ей документов можно рассматривать как «замещающее» извещение иностранного ответчика, не требующее направления последнему извещения по Гаагской конвенции 1965 г., поскольку нет необходимости направления документов за границу (абз. 1 ст. 1 Гаагской конвенции 1965 г.)

задействовать Гаагскую конвенцию 1965 г. в порядке толкования ее абзаца 1 ст. 1 (Dodge, 2022). Таким образом, ряд стран сохраняют национально-правовой подход в толковании пределов применения Гаагской конвенции 1965 г. и круга ситуаций, в которых направление извещения за границу не требуется.

Дискуссионным остается вопрос о возможности исключения применения Гаагской конвенции 1965 г. *по соглашению сторон*, том числе если стороны, например, включили в контракт положение об электронном извещении о процессе и указали адрес электронной почты для такой цели (Тамауо, 2000). Страны, исходящие из публично-правовой концепции судебного извещения, как правило, не признают такую возможность договорного исключения публично-правовой обязанности государства³⁰. При этом в российской доктрине высказывались тезисы в поддержку права сторон на соглашение о порядке доставки судебных документов (Eliseev, 2016). Примечательна следующая позиция по этому вопросу: договорное исключение применения Гаагской конвенции 1965 г. недопустимо, так как она императивна в тех случаях, когда подлежит применению, т.е. когда судебный документ должен быть направлен за границу правопорядка суда (абз 1 ст. 1 Конвенции). Но если соглашение сторон о направлении извещения таково, что оно не требует направления извещений за границу – например, назначен местный представитель или указан адрес в стране суда – то в такой ситуации Конвенция утрачивает свою применимость (Coyle, Effron & Gardner, 2019). ВС РФ еще предстоит выработать отношение к данному вопросу.

Таким образом в случае, если конвенционный канал неприменим в силу положений международного договора, его предусматривающего, государство будет использовать альтернативные варианты направления судебных документов. В последующем в процедуре экзекватуры на судебное решение суд государства, где истребуется признание и приведение в исполнение, оценит как вопрос о применимости Конвенции (и может разойтись в оценке пределов ее действия, признав необоснованным отказ от ее использования), так и вопрос о соответствии использованного метода вручения стандартам надлежащей правовой процедуры (*due process*), публичному порядку.

Исключением из строго-формального стандарта в пользу эффективного может быть ситуация, где при ином подходе *реализация права на суд, гарантированного нормами и национального, и международного права, будет заблокирована для истца*. Так, примечателен опыт Великобритании. В силу ст. 6.8 Гражданско-процессуальных правил (ГПП) Великобритании 1998 г.³¹ суд, как при извещении в национальном процессе, так и при извещении иностранных лиц ((RSC Order 69, Rule 3(5)), вправе отступить от формальных способов извещения сторон судебного процесса и перейти к альтернативным способам, обосновав их. При этом заявитель должен в прошении о применении выбранного метода сослаться *на вескую причину и приложить доказательства, подтверждающие ее (ч.1 ст. 6.8)*. По свидетельству экспертов, в судебной практике исключительное и допустимое только в особых случаях отступление от конвенционных каналов возможно, если извещение в порядке, предусмотренном международным договором, занимает очень длительный период времени, вплоть до года (Eliseev, 2016). В США в свое время доступ к извещению

³⁰ Пункт 43 Практического руководства 2007 г.

³¹ The Civil Procedure Rules 1998, Supreme Court of England and Wales Country Courts 1998 No.3132 (L.17). Available at: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gb/gb317en.pdf> [Accessed 20th December 2022].

альтернативным конвенционному способом был предоставлен в отношении российских ответчиков, поскольку сотрудничество России и США по Гагской конвенции 1965 г. приостановлено в связи с введением США платного порядка вручения документов³² (Willig, 2009).

Наконец, еще одно из возможных условий применения стандарта эффективного извещения изложено в рассмотренном выше кейсе № А35-2592/2018, из которого следует, что этот стандарт применяется *только в ситуациях недобросовестности стороны, избегающей экзекватуры ссылкой на несоблюдение конвенционных механизмов направления судебного извещения*.

Таким образом, видится, что эффективное извещение выступает *не как простая альтернатива конвенционным механизмам, но как допустимая при определенных условиях*: например, в случаях, когда конвенционные механизмы не применяются в силу самих положений международного договора; при доказанном злоупотреблении со стороны ответчика по судебному решению; в исключительных случаях, когда при ином подходе право на суд со стороны истца будет заблокировано, например, при полной невозможности конвенционного извещения ответчика.

Особо значимо и то, что конвенционные каналы направления судебных извещений предполагают соблюдение значимых процессуальных гарантий извещаемого лица (соответствующий язык документа, полнота сведений и т.д.) и служат своей целью обеспечить в том числе фиксацию вручения извещения, выступая одновременно и способом, и доказательством извещения. В ситуации эффективного извещения такого формального подтверждения получения извещения со стороны компетентного органа не будет. Соответственно, стандарт эффективного извещения, во-первых, во всех случаях должен предполагать, что легитимная информированность о судебном разбирательстве возможна *только при соблюдении базовых процессуальных гарантий извещаемого лица*, а во-вторых – требует оценки *доказательств* такого информирования³³. Видится, что эти вопросы должны быть в поле зрения судов при оценке эффективного извещения ответчика.

Последнее особенно актуально в свете цифровизации и повсеместного использования электронных средств коммуникации. Возникает вопрос о соответствии направления извещения о судебном процессе по электронной почте стандарту эффективного извещения. За рубежом эта проблематика активно исследуется (Hedges, Rashbaum & Losey, 2009; Lewis, 2008; Tamayo, 2000) в свете развивающейся судебной практики, причем поднимается проблема как с точки зрения соответствия извещения по электронной почте Гагской конвенции 1965 г.³⁴, так и с точки зрения

³² Информация Минюста России «О порядке составления и исполнения запросов о вручении документов и получении доказательств по гражданским или торговым делам в рамках Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 года, Конвенции о получении доказательств по гражданским или торговым делам 1970 года и Конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 года» // Доступно в СПС «Консультант плюс».

³³ Так, эксперты предлагают различные критерии оценки легитимной информированности о судебном процессе вне конвенционных каналов: направление извещения надлежащему ответчику, проверяемость доставки сообщения, заметность сообщения, достаточный доступ к повестке и судебным документам (Urchurch, 2016). Этот вопрос, также стандарты доказывания фактического извещения требуют дальнейшего исследования и отдельного освещения.

³⁴ Отметим, что извещение по электронным каналам коммуникации признано экспертами Гагской конференции не противоречащим Гагской конвенции 1965 г. и не запрещенным ею (Conclusions and Recommendations of the Special Commission on the practical operation of the Hague Service, Evidence and Access to Justice Conventions (20-23 May 2014). Available at: <https://assets.hcch.net/docs/eb709b9a-5692-4cc8-a660-e406bc6075c2.pdf> [Accessed 20th December 2022].

его годности как альтернативного канала извещения. Так, например, судебное извещение по электронной почте в деле *Rio-International*³⁵ было признано допустимым судами США, поскольку компания создала бизнес-модель, при которой с ней можно было связаться только по электронной почте. В другом деле *Ehrenfeld v. Salim A Bin Mahfouz*³⁶ суд установил, что адрес электронной почты ответчика использовался только в качестве неофициального средства общения, и, таким образом, не был достаточно надежным каналом связи, чтобы гарантировать, что ответчик получит электронное письмо (Hedges, Rashbaum & Losey, 2009).

Отметим, что российские суды рассматривали доказанное извещение по электронной почте как достаточное для соблюдения стандарта эффективного извещения³⁷. С другой стороны, встречались и дела, где погрешности в характеристиках извещения по электронной почте (письмо, исходящее от неизвестного лица и содержавшее ссылку на файл, который не открывался)³⁸ не признавались надлежащим извещением.

Среди альтернативных каналов развитие за рубежом получают извещения через социальные сети и мессенджеры³⁹, через обратную форму на сайте⁴⁰, а также посредством технологии блокчейн⁴¹. Эти варианты извещения становятся предметом пристального анализа экспертов (Tamayo, 2000; Urchurch, 2016) в том числе в аспекте их соответствия стандартам надлежащей правовой процедуры (due process), с учетом технологических особенностей платформ и конкретных обстоятельств дела. Обсуждаются перспективы применения информационных технологий в рамках Гагской конвенции 1965 г. (Bessonova, 2021). Этот вопрос требует дальнейшего осмысления и исследования.

³⁵ *Rio Properties, Inc. v. Rio International Interlink*, 284 F.3d 1007 (2002). Available at: <https://cite.case.law/f3d/284/1007/> [Accessed 11th February 2023].

³⁶ *Ehrenfeld v. Salim A Bin Mahfouz*, 2005, WL 696769 (S.D.N.Y.), №. 04 Civ. 9641(RCC). Available at: <http://uniset.ca/other/cs6/2005WL696769.html> [Accessed 11th February 2023].

³⁷ См., например, судебные акты по делам А33-38685/2019, А45-39483/2019, А40-89373/2019 и др., где извещение по электронной почте судами Казахстана на стадии экзекватуры в России признавалось надлежащим, так как соответствовало критерию эффективного извещения.

³⁸ Определение ВС РФ от 03.12.2021 по делу А40-162711/2020

³⁹ Так, например, суд Великобритании в деле *Gray v Hurley [2019]* оставил в силе приказ об альтернативном методе направления ответчику копии иска через мессенджер за пределы юрисдикции суда (в Новую Зеландию). *Gray v Hurley [2019]* EWCA Civ 2222. Available at: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2019/1636.html> [Accessed 11th February 2023]. В деле *St. Francis Assisi v. Kuwait Finance House* суд США пришел к выводу о том, что извещение посредством Twitter недоступного иным образом иностранного ответчика было допустимо (The Harvard Law Review Association (2017). *Civil Procedure – Service of Process – District Court Allows Service of Process on an International Defendant via Twitter Under Rule 4(f)(3)*. – “St. Francis Assisi v. Kuwait Finance House”, No. 3:16-cv-3240, 2016 WL 5725002 (N.D. Cal. Sept. 30, 2016) Harvard Law Review, Vol. 130 (7), 1962-1969.).

⁴⁰ В деле *Pirtek (UK) Ltd v Jackson [2017]* истец получил разрешение суда, на то, чтобы копии иска и последующие документы были представлены ответчику через раздел обратной связи его веб-сайта (*Pirtek (UK) Ltd v Jackson [2017]* EWHC 2834 (QB). Available at: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5cb02e802c94e02c1b892cdc> [Accessed 11th February 2023]/

⁴¹ В *D'Aloia v Persons Unknown [2022]* английский суд вынес постановление об альтернативном методе уведомления о заседании с помощью невзаимного токена на блокчейне в дополнение к извещению по электронной почте (*D'Aloia v Persons Unknown [2022]* EWHC 1723 (Ch). Available at: <https://www.casemine.com/judgement/uk/62e2d868b50db92150dadd60> [Accessed 11th February 2023].

**Влияние санкций на конвенционные механизмы извещения:
дело компании «Совфрахт» и проблема извещения подсанкционного лица
при вынесенном противоисквом запрете по ст. 248.2 АПК РФ**

Представляет интерес дело Арбитражного суда города Москвы № А40-179775/2021, известное как дело компании «Совфрахт». Фабула заключалась в следующем. Определением Арбитражного суда города Москвы от 08.09.2021 по делу № А40-156736/2020 в порядке статьи 248.2 АПК РФ было удовлетворено заявление компании «Совфрахт» о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, находящемся за пределами территории Российской Федерации, по спору между заявителем и его контрагентом. Но последний продолжила разбирательство, инициированное в соответствии с пророгационным соглашением в суде Великобритании. Впоследствии иностранный суд предпринял попытки известить российскую компанию «Совфрахт» по Гаагской конвенции 1965 г. Судебное поручение о вручении документов было направлено Министерством юстиции РФ в Арбитражный суд города Москвы, который определением от 22.09.2021 установил *невозможность исполнения поручения по независящим от суда причинам*, поскольку представитель заявителя отказался от получения документов иностранного суда.

Но ВС РФ в определении от 29.06.2022 не согласился с этим подходом, обратил внимание, что суд первой инстанции *не проверил иностранное судебное поручение на соответствие основаниям исполнения* и отказа в исполнении, предусмотренных частью 2 статьи 256 АПК, например, таких, как противоречие публичному порядку, с учетом статей 248.1 и 248.2 АПК РФ, исключительной международной подсудности российского суда в отношении спора, рассматриваемого иностранным судом и вынесенного противоисквого запрета на продолжение разбирательства в иностранном суде. ВС РФ посчитал, что суд первой инстанции своим определением фактически исполнил поручение иностранного, в то время как необходимо было проверить нет ли оснований для отказа в исполнении судебного поручения, и если таковые наличествовали, то отказать в его исполнении.

Соответственно, далее при повтором рассмотрении вопроса судом первой инстанции Арбитражный суд города Москвы определением от 07.11.2022 преимущественно продублировал позицию ВС РФ и установил, что исполнение судебного поручения нарушает основополагающие принципы российского права, противоречит публичному порядку Российской Федерации, и в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 256 АПК РФ не подлежит исполнению. Таким образом, российское подсанкционное лицо, получившее противоисквой запрет в отношении процессуального оппонента о запрете продолжать разбирательство в иностранном суде по причине исключительной подсудности спора российскому суду, не могло быть извещено в соответствии с конвенционными механизмами о «запрещенном» судебном процессе, поскольку исполнение судебного поручения о таком извещении противоречит публичному порядку.

Примечательно, что в данном случае российский суд в мотивировочной части судебного акта опирался в большей степени на национально-правовые нормы об отказе в исполнении иностранного судебного поручения в связи с его противоречием публичному порядку, в то время как конвенционная норма (ст. 13 Гаагской конвенции 1965 г.), регламентирующая окончательный отказ от исполнения иностранного судебного поручения о вручении судебного извещения в связи с возможным нанесением ущерба суверенитету или безопасности запрашиваемого государства, лишь упоминается *inter alia*. С одной стороны, положения п. 1 ч. 2 ст. 256 АПК

РФ и статьи 13 Гаагской конвенции 1965 г. в чем-то схожи (Doryaev & Kryazhevskikh, 2012), но нельзя не обратить внимание и на отличия в терминологии: статья 13 говорит о предотвращении ущерба суверенитету или безопасности. В практическом руководстве 2007 г. отмечается, что понятие «суверенитет», по замыслу авторов конвенции, равносильно понятию «международный публичный порядок» и в основном исключает оговорки, основанные на внутреннем публичном порядке государства⁴². В практике национальных судов встречались различные подходы к толкованию этих конвенционных положений⁴³.

Обратим внимание, что зарубежной практике известны случаи, когда противоисковый запрет местного суда блокировал эффект иностранного судебного акта. Например, известность получило дело *Zetta Jet Pte Ltd and Others* (2018 г.), где суд Сингапура пришел к выводу о том, что признание иностранного банкротного производства приведет к игнорированию ранее вынесенного сингапурским судом противоискового судебного запрета, что подрывает отправление правосудия в стране, а значит – противоречит публичному порядку. В такой ситуации сингапурский суд произвел усеченное признание в отношении только тех правомочий иностранного управляющего в деле о банкротстве, которые позволяли бы ему оспорить противоисковый запрет сингапурского суда, с тем, чтобы при успехе в таком обжаловании в перспективе вернуться к вопросу о признании всего иностранного банкротного производства⁴⁴. Таким образом, трансграничный эффект последствий иностранного судебного процесса в стране, где был ранее вынесен противоисковый запрет в отношении такого судебного процесса, будет ограничен, поскольку расценивается как подрывающий отправление правосудия, т.е., по сути, реализацию суверенных полномочий государством. Российские суды, видится, использовали аналогичный подход применительно к трансграничному эффекту иностранного судебного процесса, в отношении которого выдан противоисковый запрет, но не на стадии экзекутуры, а на более ранней стадии – вручения судебного извещения ответчику.

Еще один аргумент ВС РФ в его позиции по рассматриваемому делу заключался в следующем: *потенциальный отказ в исполнении иностранного судебного поручения в связи с его противоречием публичному порядку, мог бы привести к прекращению дальнейшего движения дела по вопросу об участии общества в соответствующем иностранном судебном разбирательстве* на основании представленного иностранного судебного извещения, следовательно, препятствовало бы дальнейшему движению дела по данному вопросу (этот довод был положен в обоснование возможности обжалования определения суда об исполнении иностранного судебного поручения).

Между тем видится, что признание противоречащим публичному порядку исполнения судебных поручений об извещении о зарубежном процессе в отношении «подсанкционных лиц» в ситуации, когда ранее был получен противоисковый запрет на продолжение ведения иностранного судебного разбирательства в силу признания спора исключительно подсудным судам Российской Федерации, может привести иностранные суды к использованию альтернативных конвенционным механизмам извещения подсанкционных лиц. Это не поставит в перспективе перед российским судами вопрос об оценке такого извещения на предмет его соответствия стандарту

⁴² Практическое руководство 2007 г., п. 174

⁴³ Практическое руководство 2007 г., п. 176–182.

⁴⁴ Впоследствии противоисковый запрет сингапурского суда был отменен. Режим доступа: https://www.uncitral.org/clout/clout/data/sgp/clout_case_1815_240118.html (дата обращения: 10.12.2022).

эффективности, поскольку экзекватура таких судебных актов будет, как это следует из логики статей 248.1 и 244 АПК РФ, заблокирована по иным основаниям (противоречие исключительной международной подсудности). Но открытым останется вопрос о том, как могут расценить эту ситуацию третьи государства, на территории которых могут быть предприняты попытки признания и приведения в исполнение такого судебного решения.

Заключение

Таким образом, видится, что в российской судебной практике в противовес *строго-формальному* стандарту извещения иностранного ответчика, понимаемому как неотступность от конвенционных механизмов извещения и недопущение почтового канала пересылки документов отечественным ответчикам, сформировался стандарт *эффективного* судебного извещения, основанный на доказательствах фактической информированности стороны о зарубежном судебном разбирательстве.

Выполняя свою полезную функцию, стандарт эффективного извещения не должен приводить к нивелированию международных соглашений о порядке извещения иностранных лиц – они сохраняют свою обязательность и исключительность (Гаагская конвенция 1965 г.) для тех ситуаций, в которых должны быть применимы в силу их предмета, объекта и цели. Соответственно, в свете соблюдения международно-правовых обязательств и принципа *pacta sunt servanda* важно выделить условия применения стандарта эффективного извещения. К таковым можно отнести случаи, когда конвенционные механизмы не применяются в силу самих конвенционных положений; при доказанном злоупотреблении со стороны ответчика по судебному решению, в исключительных случаях, когда при ином подходе право на суд со стороны истца будет заблокировано, например, при невозможности конвенционного извещения ответчика.

Во всех случаях стандарт эффективного извещения, во-первых, должен обеспечивать *соблюдение базовых процессуальных грантий извещаемого лица*, а во-вторых – требует оценки *доказательств* информирования. Видится, что эти вопросы должны быть в поле зрения судов при оценке эффективного извещения ответчика.

Санкции повлияли на конвенционные механизмы извещения: российское подсанкционное лицо, получившее противоисковый запрет в отношении процессуального оппонента о запрете продолжать разбирательство в иностранном суде по причине исключительной подсудности спора российскому суду, не могло быть в России извещено о «запрещенном» судебном процессе по конвенционным каналам, поскольку исполнение судебного поручения о таком извещении противоречит публичному порядку.

References / Список литературы

- Anthimos, A. (2017) Fictitious service of process in the EU – requiem for a nightmare? *Czech Yearbook of international law*. VIII, 3–34. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2782431>
- Bessonova, A.I. (2021) Notification of parties to a procedure located abroad in the digital technology era. *Arbitrazh and civil procedure*. (8), 53–54. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-8-53-54> (in Russian).
- Бессонова А.И. Извещение участников процесса, находящихся за рубежом, в эпоху цифровых технологий // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 53–54. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-8-53-54>

- Bonilla, M.K. (2022) Rethinking the process of service of process. *St. Mary's Law Journal*. 53(1), 255–285 Available at: <https://commons.stmarytx.edu/thestmaryslawjournal/vol53/iss1/6> [Accessed 11th February 2023].
- Campbell, C.B. (2010) *No Sirve*: The Invalidity of Service of Process Abroad by Mail or Private Process Server on Parties in Mexico Under the Hague Service Convention. *Minnesota Journal of International Law*. 19(1), 107–136.
- Torremans, P. (ed.). (2017) *Cheshire, North & Fawcett on Private International Law*. Fifteenth Edition. Oxford University Press. NY.
- Coyle, F.J., Effron, R.J. & Gardner, M. (2019) Contracting around the Hague service convention. *UC Davis Law Review Online*. (53), 53–61.
- Dodge, W.S. (2022) Substituted Service and the Hague Service Convention. *William & Mary Law Review*. 5(63), 1485–1530. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3889597> [Accessed 11th February 2023].
- Dominelli, S. (2018) *Current and future perspectives on cross-border service of documents*. Editore: Aracne. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3259980> [Accessed 11th February 2023].
- Doryaev, M.G. & Kryazhevskikh, K.P. (2012) Refusal to serve foreign court documents: an analysis of the practice of applying Article 13 of the Hague Convention of 1965. *International Commercial Arbitration Review*. (2), 110–119. (in Russian).
Дораев М.Г., Кряжевских К.П. Отказ во вручении иностранных судебных документов: анализ практики применения ст. 13 Гаагской конвенции 1965 г. // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2. С. 110–119.
- Eliseev, N.G. (2016) Service of summons to a defendant residing out of jurisdiction. *Zakon*. (6), 121–137. (in Russian).
Елисеев Н.Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. 2016. № 6. С. 121–137.
- Gössl, S.L. (2016) The public policy exception in the European civil justice system. *The European legal forum – forum iuris communis Europae*. (4), 85–92. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2887020> [Accessed 11th February 2023].
- Hay, P. (2018) *Private international law and procedure*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing.
- Hedges, R.J., Rashbaum, K.N. & Losey, A.C. (2009) Electronic service of process at home and abroad: allowing domestic electronic service of process in the Federal Courts. *The Federal Courts Law Review*. 1(4), 54–77.
- Kostin, A.A. (2014) Issues of proper notification of a foreign defendant in international civil proceedings. *Zakon*. (8), 75–83. (in Russian).
Костин А.А. Вопросы надлежащего уведомления иностранного ответчика в международном гражданском процессе // Закон. 2014. № 8. С. 75–83.
- Kostin, A.A. (2017) Due and timely service of process on the defendant as a prerequisite for recognition and enforcement of foreign judgment. *Zakon*. (4), 120–131. (in Russian).
Костин А.А. Надлежащее и своевременное извещение ответчика как условие признания и исполнения решения иностранного суда (анализ ч. 1 ст. 244 АПК РФ и ч. 1 ст. 412 ГПК РФ) // Закон. 2017. № 4. С. 120–131.
- Krokhalev, S.V. (2006) *The category of public order in international civil procedure*. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg State University. (in Russian).
Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Изд. дом С.-Петербургского государственного университета, 2006. 472 с.
- Kudulich, E.A. (2015) Cross-border enforcement of foreign judgments in Russia: imprisoned by stereotypes or making headway? *Zakon*. (5), 143–157. (in Russian).
Куделич Е.А. Трансграничное исполнение судебных решений в России: в плену устоявшихся стереотипов или поступательное движение вперед? // Закон. 2015. № 5. С. 143–157.

- Lewis, K.V. (2008) E-Service: ensuring the integrity of international e-mail service of process. *Roger Williams University Law Review*. 13(1), 285–306.
- Reisenfeld, K. (1990) Service of United States process abroad: a practical guide to service under the hague service convention and the federal rules of civil procedure. *The International Lawyer*. 24(1), 55–83.
- Schack, H. (2001) *Internationales Zivilverfahrensrecht. International Civil Procedure Law*. Translated from German. M.: BEK Publ. (in Russian).
Шах Х. Международное гражданское процессуальное право. Перевод с немецкого. М.: BEK, 2001. 560 с.
- Tamayo, Y.A. (2000) Are you being served?: e-mail and (due) service of process. *South Carolina Law Review*. (51), 2–37. Available at: <https://ssrn.com/abstract=976446> [Accessed 11th February 2023].
- Upchurch, A. (2016) 'Hacking' service of process: using social media to provide constitutionally sufficient notification of process. *University of Arkansas at Little Rock Review*. (38), 559–625. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2883377> [Accessed 11th February 2023].
- Weis, J.F. (1994). Service by mail – is the stamp of approval from the hague convention always enough? *Law and Contemporary Problems*. 57 (3), 165–177.
- Willig, S. (2009) Out of service: the causes and consequences of russia's suspension of judicial assistance to the United States under the hague service convention. *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 32 (2), 593–620.
- Yarkov, V.V. (2012) Judicial notifications in international civil proceedings (the example of notification of Russian citizens by UK courts). *Zakon*. (8), 33–38. (in Russian).
Ярков В.В. Судебные извещения в международном гражданском процессе (на примере извещения российских граждан судами Великобритании) // Закон. 2012. № 8. С. 33–38.

Сведения об авторах:

Мохова Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID ID: 0000-0001-9729-6546, SPIN-код: 8084-5013

e-mail: emokhova@hse.ru

Бутакова Яна Сергеевна – аспирант Аспирантской школы по праву, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3.

ORCID ID: 0000-0002-8686-5384, SPIN-код: 7327-2494

e-mail: yanabutakova@yandex.ru

About the authors:

Elena V. Mokhova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9729-6546, SPIN-code: 8084-5013

e-mail: emokhova@hse.ru

Iana S. Butakova – postgraduate student of the Graduate School of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID 0000-0002-8686-5384, SPIN-code: 7327-2494

e-mail: yanabutakova@yandex.ru